

Глава 76. Метка

Рука, обнимавшая его, чуть сильнее сжалась.

Фу Линцзюнь, словно обнимая огромную игрушку, совсем расслабленно навалился на него всем телом.

Большой пёсик обнимает маленького пёсика.

Подбородком он упирался Цзян Тану в шею, волосы спадали вниз, а кончик носа то и дело едва заметно задевал белую, как фарфор, кожу над воротом.

Тёплое дыхание снова и снова обжигало этот маленький кусочек кожи. Спутавшиеся пряди делали двоих, сидящих в кресле в объятиях друг друга, особенно неразлучными, а бамбук за окном, шумевший под ветром, будто тоже стал мягче и томнее, плавно качаясь туда-сюда и пропуская сквозь листву переплетённые свет и тень.

Только что проснувшийся Цзян Тан опять угодил в водоворот красоты.

— Ко... который, час? — спросил он.

От долгого сна голос у него слегка охрип.

Фу Линцзюнь лениво привалился к нему и негромко хмыкнул:

— Не знаю.

И совсем не собирался его отпускать.

Цзян Тан облизнул пересохшие губы.

Ему хотелось пить, но Фу Линцзюнь полностью запер его в объятиях, и шевельнуться было невозможно, не то что дотянуться до чашки.

— Ты... — осторожно спросил он, — тебе, лучше?

Фу Линцзюнь чуть приподнял веки.

Длинные ресницы скользнули по коже у него на шее, словно её коснулось перо.

Щекотно. И странно онемело.

— Нет.

Обе руки, державшие его, чуть усилили хватку, плотнее притягивая к груди, а затем Фу Линцзюнь снова закрыл глаза.

Ну ладно. Тогда ещё немного.

Фу Линцзюнь обнимал Фу Линцзюня, а Цзян Тан решил занять себя сам. Но делать что-то, сидя у кого-то в объятиях, было особенно нечего, и он со скуки опустил голову и принялся играть со своими пальцами — ковырнул ноготь, пощупал костяшки, повертел ладонь так и сяк. Поигравшись так довольно долго, он опять спросил:

— Лучше?

Похоже, Фу Линцзюнь почувствовал, что человек в его руках делает это без всякого участия.

Рука, лежавшая у Цзян Тана на спине, вернулась, медленно скользнула по его руке вниз и поймала ту самую бездельничающую кисть.

Цзян Тан дёрнулся, но вырваться не смог.

У Фу Линцзюня всё тело обычно было прохладным, и пальцы тоже. Накрыв его руку своей холодноватой ладонью, он, словно переняв от Цзян Тана его собственную игру, сам принялся играть с его пальцами.

Костяк у Цзян Тана был тонкий, сам он от природы худощавый, и раньше мяса на нём было совсем немного.

Но ещё когда он был зверьком, он жрал с утра, днём, вечером, на полдник и на ночь — и очень быстро превратился в кругленького белого щенка. После превращения в человека аппетит стал ещё сильнее. Тело его и так не было склонно толстеть, но он ел слишком много, так что в последнее время на нём понемногу стало прибавляться мягкости: и в руках держать приятнее, и пальцы тоже чуть округлились.

Мягкая маленькая ладонь была вся в нежной плоти. Фу Линцзюнь зажал его мизинец, помял, потом перешёл к следующему пальцу, и так один за другим, снова и снова. Попавшая в его ладонь рука словно стала комком теста — он тербил её без конца, будто никак не мог наиграться.

Поначалу Цзян Тан ещё пытался возмущаться, но перед абсолютной силой той маленькой руке просто некуда было деться.

И маленький пёсик наконец начал кое-что понимать.

Он шмыгнул носом и глухо пробормотал:

— По-моему, тебе уже лучше.

Иначе откуда у тебя столько сил!

Фу Линцзюнь держал его в объятиях, ничуть не собираясь выпускать ту руку, и лениво отозвался:

— Нет.

Лежал с закрытыми глазами и совершенно бессовестно врал.

Цзян Тан: ...

Он подёргался ещё немного, потом ещё немного — и сдался.

— Я хочу пить, — сказал он.

Фу Линцзюнь наконец соизволил открыть глаза.

Он чуть ослабил объятия, уже не прижимая Цзян Тана так крепко, и лишь слегка шевельнул

длинными пальцами. Чайник на столе тут же поднялся сам собой в воздух, тонкой струйкой налил чай в белую фарфоровую чашку и мягко опустился на место.

В следующий миг эта простая белая чашка уже была в руке Фу Линцзюня.

Он поднёс её к губам Цзян Тана.

Цзян Тан: сам не понял, как внезапно испытал на себе все привилегии тяжёлого больного.

Он открыл рот — и весь чай с поразительной точностью пролился ему на подбородок, не попав внутрь ни капли.

Жидкость намочила одежду и вся расплылась по груди.

Цзян Тан: ...лучше я сам.

Чего он вообще ожидал! С чего решил, что Фу Линцзюнь похож на человека, который умеет заботиться о других? Это он, похоже, перечитал романов и успел выстроить в голове какие-то совершенно нереалистичные фантазии!

Но Фу Линцзюнь, похоже, решил, что кто-то усомнился в его способностях. Он снова поднял руку, ещё раз налил чай на расстоянии и опять поднёс чашку к Цзян Тану.

Тот поспешно перехватил её на полпути и большими глотками осушил.

Босс, у которого отобрали дело, заметно поскущел. Посмотрев на пустую чашку, он суховато спросил:

— Ещё хочешь пить?

Цзян Тан замотал головой так, будто был погремушкой:

— Нет.

Ни в чём не повинная белая чашка была безжалостно отброшена и с тяжёлым стуком вернулась на стол.

И тут Фу Линцзюнь заметил огромное мокрое пятно у него на груди.

Цзян Тан проследил за его взглядом и тоже опустил глаза. И правда, только сейчас он заметил, что неизвестно когда ворот его одежды успел разойтись. Белые одежды, да ещё и весь перед мокрый — выглядело это крайне двусмысленно. Он тут же прикрыл ворот рукой и сбивчиво проговорил:

— Я... переоденусь!

И протянул руку к Фу Линцзюню, требуя одежду.

Но тот не собирался его отпускать. Ему и так было слишком хорошо держать его на руках, а отпусти — и кто знает, будет ли потом сидеть так же послушно. Он просто достал одежду и сказал:

— Переодевайся здесь.

Что? Это вообще человеческие слова?

Человек у него на руках тут же начал яростно вырываться. В ход шло всё: дёрнуть за волосы, вцепиться в руку, потянуть за одежду, укусить за палец.

— А где мои ботинки? — Цзян Тан едва нашёл момент, чтобы сбежать, но тут только запоздало понял, что кто-то успел снять с него обувь и носки. Он очень хорошо помнил, что засыпал в них, а теперь его две ступни были голые и белые, а обуви на полу и след простыл.

Увидев, что Цзян Тан и правда рассердился и уже готов убежать босиком, Фу Линцзюнь одним заклинанием высушил чайное пятно у него на груди и потянулся, чтобы удержать. Смущённый маленький осьминог, мягкий до невозможности, изо всех сил втянулся и попытался улизнуть, но его фарфорово-белое запястье вновь оказалось зажатым.

— У меня... волосы опять растрепались.

Фу Линцзюнь, распустивший волосы, раскрыл перед Цзян Таном ладонь. На ней лежала та самая деревянная шпилька, которую он ему подарил.

На фоне белой, как нефрит, руки тёплый древесный цвет выглядел особенно простым и красивым. Хвост шпильки был вырезан как хвост феникса и точь-в-точь напоминал пламя Фу Линцзюня.

У Цзян Тана в груди что-то тихонько толкнулось. Не больно, но с какой-то странной сладковатой ломотой.

Не к месту вспыхнувшая отцовская (?) любовь заставила его забыть, что минуту назад его тут держали в объятиях и откровенно дразнили. Он взял шпильку.

Фу Линцзюнь одной рукой подхватил его и в пару шагов дошёл до кровати. Опустил на неё, взялся за тонкую щиколотку...

И крайне неумело начал надевать Цзян Тану носки.

Тот весь мгновенно напрягся.

Ноги у него были очень чувствительными. В прошлый раз, когда Фу Линцзюнь вот так держал его ступню, боль от раны на пальцах перебивала всё остальное. Но сейчас он ясно чувствовал каждое крошечное движение, и от прикосновений по всему телу расходился лёгкий жар.

— Ну и дела... не скажешь же ему, что там очень чувствительно и трогать нельзя...

Цзян Тан с красным лицом тихо пробормотал это по-китайски.

— И ещё не признаёшься, что ты мой парень, а уже всю меня соблазняешь. Хм. Подлец.

Фу Линцзюнь на миг замер и поднял взгляд.

Под этим взглядом Цзян Тан вдруг почувствовал себя страшно виноватым.

Да чего он смотрит! Он же говорил по-китайски, босс всё равно не понимает. Почему тогда глядит на него так странно?

— Я... причешу тебя.

Цзян Тан поспешно сменил тему и качнул в руке шпилькой.

Тем временем в Зале Небесных Тайн спор разгорался всё сильнее, а Хуай Чэнъинь оставался к нему совершенно равнодушен. Он распахнул окно и, скучающе подперев голову руками, смотрел, как ветер играет деревьями во дворе. Он уже послал духовную весть Е Чжэнвэню, чтобы тот скорее пришёл и отвёл их прогуляться по обители Десяти Сторон. Место это было чересчур огромным: пройдёшь немного — и уже новый павильон или сад с водой. Для Хуай Чэнъиня, впервые оказавшегося здесь, всё выглядело слишком запутанным.

Во дворе, спиной к окну, на корточках у цветника сидела чья-то очень крупная фигура и занималась неизвестно чем.

— Сян Син, ты что там делаешь? — лениво крикнул Хуай Чэнъинь.

Услышав его голос, Сян Син медленно обернулся. Потом неловко подвинул своё огромное тело в сторону и показал на сломанный цветок в клумбе:

— Он... умирает.

В голосе у него звучала грусть.

Хуай Чэнъинь вытянул шею, глядя вниз.

За несколько дней, проведённых рядом с этим громилой, он успел заметить, что тот совсем не так груб, как кажется. У него во дворе в Аньюане было несколько почти погибших роз, и Сян Син повозился с ними пару дней — и они чудом ожили. Значит, человек он на самом деле очень тонкий.

Хуай Чэнъинь тоже вышел из комнаты и присел рядом с ним у цветника.

Сломанная ветка согнулась вниз, и бутон на её макушке тоже печально повис.

Хуай Чэнъинь нашёл маленькую палочку и подал её Сян Сину. Тот толстыми пальцами осторожно подвязал ветку, пока та снова не выпрямилась и не подняла красивую головку.

Когда Е Чжэнвэнь вошёл во дворик, он увидел только две фигуры — большую и маленькую — на корточках у клумбы. Хмыкнув, он сказал:

— Со стороны подумаешь, что вам обоим по три года. Муравьёв, что ли, разглядываете?

Хуай Чэнъинь не обратил на него внимания и спросил:

— Освободился?

Потом заметил, что позади Е Чжэнвэня стоит ещё один человек, сложил руки в приветствии и спросил:

— А это кто?

— А, это ученик моего дяди Цзяна. Бойтся, что мы заблудимся, вот и пришёл вместе со мной.

Е Чжэнвэнь оглядел двор и с удивлением спросил:

— А где брат Линь и молодой господин Цзян?

— Наверное, спят после обеда, — ответил Хуай Чэнъинь.

Глаза Е Чжэнвэня тут же округлились:

— Вместе спят?

— А? С чего ты это взял? Конечно, нет. Молодой господин Цзян живёт в этой комнате, а молодой господин Линь — в той.

Снаружи стало шумнее, и Цзян Тан, только что закончивший собирать Фу Линцзюню волосы, сразу ощутил неловкость.

Потому что они и правда спали вместе.

Когда он увидел, что Фу Линцзюнь собирается просто выйти за дверь, ещё и держа его за руку, Цзян Тан тут же вцепился в его ладонь обеими руками и изо всех сил потянул назад.

Для Фу Линцзюня эта сила почти ничего не значила, но он всё-таки остановился.

— Что такое? — спросил он.

Цзян Тан сбивчиво проговорил:

— Они... все, там! И ещё... посторонний...

Если бы были только знакомые — ещё ладно. Но там ведь есть чужой человек. Увидит — как потом смотреть ему в глаза? Да и Хуай Чэнъинь только что помог им отвести подозрения, сказав, что они не спали вместе!

Фу Линцзюнь понял, что он имеет в виду.

И нахмурился:

— Ты хочешь, чтобы я вышел через окно?

Глаза Цзян Тана тут же загорелись, и он часто закивал.

— Не хочешь выйти со мной вместе?

Цзян Тан и сам не понял, говорит ли тот просто о том, что не хочет идти с ним рядом наружу, или вкладывает в это ещё что-то. Но люди уже были снаружи, он только ещё сильнее занервничал и поспешно замотал головой:

— Нет, не так... просто там есть посторонний. Если увидят... будет нехорошо...

В этом мире связь между мужчиной и женщиной по-прежнему не считалась чем-то, что большинство готово принимать. Так что лучше не создавать лишних проблем.

Лицо Фу Линцзюня потемнело.

Сделав один длинный шаг, он снова оказался прямо перед Цзян Таном.

Тот редко смотрел на него снизу вверх, и сейчас внезапно ощутил от него какое-то странное давление. Он невольно отступил на полшага и неуверенно пробормотал:

— Ч-что, такое?..

Но отступление тут же было отрезано.

Фу Линцзюнь поднял руку, удержал его за заднюю часть шеи, не давая убежать, а в следующий миг наклонился к белой, вытянутой вверх шее юноши.

Сначала тяжело поцеловал, втянул кожу, а потом ещё и прикусил.

— Почему так быстро проходит? — глухо проговорил он.

Примечание автора:

Босс, невнятно: Значит, поставлю ещё одну клубничку.

<http://bllate.org/book/17032/1645092>